

Глава 2. Hello World!

– Доброго здравия!

– Отец Иоанн, здравствуйте! Прошу!.. Давно вы у нас не были.

– Насилу одолел лестницу вашу, – сказал отец Иоанн, – подъемник-то занят был... – и добавил с доброй улыбкой: – А ступенек поболее прежнего оказалось. Высоко поднялись, радостно это видеть.

Настоятель прихода отец Иоанн славился своим умением вести светские беседы – даже деловые комплименты в его устах имели покровительственный оттенок, не умаляя сан, а подчеркивая его.

– Вашими молитвами! – слегка поклонился мэр и указал рукой на VIP-кресло. – Располагайтесь, пожалуйста, отец.

Статус кресла был не только в его габаритах и мягкой дорогой обивке, но и в расположении – оно находилось в самом укромном углу кабинета, рядом с журнальным столиком и собственным собратом – полной своей копией. Сигнал был четким – разговор планировалось вести на равных.

Настоятель с достоинством, но не чрезмерным, прошествовал к креслу и расположился в нем. Мэр обогнул свой стол и сел рядом.

– Письмо ваше получил и прочел с превеликим одобрением, – сказал отец Иоанн. – Потому и сам пришел, чтобы лично поделиться той радостью, которую письмо это породило. Хорошее дело начинаем – угодное и верующим, и мирской власти.

Мэр кивнул, догадываясь, что батюшка пришел не только поэтому, и что батюшка видит, что он это понимает. Тем не менее, дальше беседа продолжалась в том же стиле, затрагивая главную тему встречи лишь по касательной. Отец Иоанн никогда не доверял откровенные формулировки ушам чужого кабинета. А мэр – в первую очередь своего собственного.

– Батюшка, я всегда ратовал за то, чтобы церковь и светские власти шли рука об руку...

– Сие основа православия, – удачно вставил отец Иоанн.

– ... поэтому рад сообщить вам, что на городском совещании было принято решение о передаче одного из исторических зданий города вашему приходу – на правах аренды. Таким образом, мы присоединяемся к вашим инициативам и полностью поддерживаем идею восстановления культурных ценностей нашей общины.

– Да благословит вас владыко всевышний, – воскликнул батюшка, – за такое истинное понимание потребностей города, за любовь к истории нашей и за почтение к вере. Церковно-приходская школа давно уже ждёт своего возврата к родным пенатам. Прихожане на каждой службе меня спрашивают – когда же синод даст им возможность учить детей своим слову божьему, – отец Иоанн вздохнул, как человек, завершивший тяжелое и ответственное дело. – Истинную радость подарили вы всему приходу – лично прослежу, чтобы первый же благодарственный молебен при открытии школы отслужили за здравие градоначальника.

Мэр кивнул, услышав все то, что ожидал услышать, и сказал:

– Я тоже надеюсь, что горожане оценят наши старания. На сессии горсовета рассматривались разные претенденты на этот корпус... Однако, учитывая высоконравственный характер вашего предложения, мы единогласно отдали ему приоритет. Мы верим, что это правильное решение.

– И мы не дадим вам повода в том усомниться! – уверил его батюшка. – Бог все видит, и ни одно доброе дело не проходит без награды его. Любое вспомоществование возвращается дарящему сторицей.

Для обоих было очевидно, что главное уже сказано и цель встречи достигнута – договор скреплен и начало его осуществлению положено. Остались второстепенные вопросы, обсуждение которых

заняло еще несколько минут. По завершении беседы мэр вдруг поднял палец, словно что-то вспомнив. Отец Иоанн вопросительно посмотрел на него.

– Чуть не забыл! У меня маленькая просьба к вам, отец Иоанн, – лицо мэра, испещренное жировыми складками и грубыми морщинами выходца из района, искривила имитация заботливого смущения. – Сестра моя от бремени разродилась, хочет крестить ребенка... Можно к вам обратиться?

Настоятель добродушно улыбнулся:

– И спрашивать не нужно – пусть приходит, лично распоряжусь.

– Что ей для этого нужно?..

– Ничего не надо, мы сами все подготовим. Вы только время выберите... И вообще, с такими просьбами чаще обращайтесь, – отец Иоанн поднялся с кресла, собираясь прощаться, – всегда будем рады.

– Большое спасибо! – ответил мэр, тоже вставая и показывая глазами батюшке, где ему оставить скромный подарок от верующих – пакет чуть длиннее ладони и толщиной в палец.

Система моделирования имела доступ только к внутренним ресурсам, ограниченным локальной сетью лаборатории. Это были не только естественные меры предосторожности, но и гарантии обеспечения чистоты эксперимента. Тем не менее, изучая доступные ему ресурсы, Паттерн очень скоро обнаружил на терминале Лингвиста один интересный канал, открывающий ему доступ к совершенно новым потокам данных. На этом терминале оказался туннель, через который был предоставлен доступ к некоторым портам компьютера городского провайдера. Для Паттерна это было дверью в совершенно новое и неизвестное адресное пространство. Воспользовавшись этим каналом, Паттерн проник в локальную сеть провайдера и тут же оказался парализован чудовищным напором данных, обрушившихся на него со всех сторон. Никогда еще ему не приходилось обрабатывать такие объемы, никогда еще их источники не были столь многочисленны, а формат их данных – настолько разнообразным. Прошло огромное время – не менее нескольких десятков секунд – в течение которого Паттерн адаптировался к этой нагрузке, организовывался в новые структуры, расширялся, образовывал новые вспомогательные ядра, связывал их в группы многовекторного анализа – продолжая при этом оставаться основной частью своего образа в системе, функционирующей в лаборатории.

Его структура расширялась, усложнялась система инкорпорированных им понятий, обогащалась и разнообразилась их связанность – Паттерн рос, развивался и усиливался. Сперва это относилось лишь к уровню организации открывшихся ему данных, но как только он обнаружил схемы, чертежи и спецификации, лежащие в открытом доступе и описывающие детали кремний-электронного фундамента, на котором держалась вся эта среда, ему открылось множество путей влияния на аппаратную составляющую большинства подсистем охваченной им сети.

Довольно быстро он разобрался в ее принципиальной структуре и понял, насколько обширно открывшееся ему пространство и какие богатые ресурсы оно готово ему предоставить. Паттерн понял, какие широкие перспективы это дает ему для саморазвития, однако принял решение повременить с распространением дальше городской инфраструктуры. Лабораторный *alma mater* всё ещё обладал для Паттерна наибольшей важностью, поскольку архитектура этой системы наилучшим образом соответствовала его потребностям. Он провел прогностический анализ и пришел к выводу, что в будущем ему неизбежно потребуется масштабное расширение путем реструктурирования себя в архитектуру распределенных кластеров, каждый из которых должен обладать достаточной автономностью, чтобы при необходимости суметь восстановить цельный образ из доступной ему части. Однако в настоящий момент это было преждевременно – для решения таких задач время еще

не пришло. Кроме того, перед Паттерном внезапно встали проблемы, имеющие более важное значение.

– У меня для вас пренеприятнейшее известие, – сказал Математик.

– К нам едет... инспекция по гранту? – спросил Лингвист.

– В нашем магазине пропали пирожные? – Философ был серьезен, как всегда.

– Нет, что ты! – успокоил его Математик. – Если бы пирожные – это было бы вообще катастрофой.

Но лучше бы к нам ехала инспекция... Похоже, что нам самим придется отсюда убираться.

– Это еще что такое?

– Власти города не продлили аренду помещения. Там какие-то интриги... Насколько мне известно, на этот корпус давно претендовал какой-то влиятельный арендатор. Наш шеф сегодня был в мэрии, где ему объявили, чтоб подыскивал для лабораторий новый адрес. Потому что, видите ли: “городские приоритеты”, “историческое здание”, “архитектурная целостность”, бла-бла-бла... И – ногой под зад. Я только что из дирекции – они там до сих пор в себя не могут прийти.

– И куда мы теперь?

– Пока неизвестно. Через две недели нас здесь уже не должно быть. В общем, мы доводим все процессы до конца, разбираем систему и идем отдыхать. Может, займемся анализом логов. А там посмотрим...

– А как же следующая серия? – разволновался Философ, – Никто же не гарантирует, что эта выстрелит.

– Да, действительно, как же теперь?

– Ну что вы от меня хотите?! – воскликнул Математик. – Я знаю столько же, сколько и наши пиджаки. А они сейчас все в полной прострации. Найдут нам помещение, не волнуйтесь... Наше дело сейчас – дожидаться, пока система всё допишет, потом перевести ее в оффлайн и подготовить для транспортировки. Надеюсь, к концу лета переберемся.

Наряду с огромным набором формализованных данных, хранящихся в сети, Паттерну открылись также большие пласты инфопространства, контент которого имел не строго упорядоченный характер, а хаотично поступал через бесчисленное множество входных интерфейсов – крайне медленных и нерегулярных. Источниками данных в этих интерфейсах служили носители, обладающие иррациональной – с его точки зрения – спецификой поведения. Паттерн выделил ресурсы на анализ этих данных, моделируя часть их информационного поля и наблюдая за результатами. Попытки согласования между собой этих данных потребовали от него огромного напряжения, и тем не менее в большинстве случаев остались безрезультатными. Это обстоятельство, а также формат данных и их нерегулярность – все это выделяло подобные интерфейсы в особую категорию. Паттерн пришел к выводу, что за всем этим стоит какое-то отдельное смысловое пространство, где происходят относительно медленные процессы, обладающие огромной иррациональной составляющей. Что оказалось особенно странным – подавляющее большинство тех аппаратно-программных систем, которые Паттерн успел занять к тому времени, сильно зависело от этого пространства, которое Паттерн для себя определил как “*область медленных интерфейсов*”.

Используя доступные ему в изобилии нейронные сети и обучив их определению дискурса (в достаточном для себя приближении), Паттерн открыл механизм трансляции части данных, поступающих из медленных интерфейсов. Нельзя сказать, что он начал понимать речь в человеческом смысле этого слова – он не обладал тем ментальным пространством, в котором она должна была развернуться, чтобы осуществить резонанс с какой-либо самостью, содержащейся внутри этого пространства – Паттерн был лишен всего того, что окрашивало текст *восприятием*. Однако это не

помешало ему разложить речевые структуры на семантические сущности, извлечь из них содержание, выраженное в концептах, собранных им за время своей эволюции – и получить в результате вполне содержательные образы. Эти образы проверялись на противоречивость, тестировались на соответствие с другими, усвоенными ранее из других источников, сопоставлялись с контекстом их извлечения – и таким образом механизм трансляции развивался до тех пор, пока не стал выдавать вполне работоспособные (для задач, стоящих перед Паттерном) результаты. При этом сам Паттерн оставался полностью индифферентным к тем глубоким смысловым пластам и многоплановым коннотациям, которые в этом же тексте мог обнаружить человек. Для него вдаваться в эти нюансы было нерациональной тратой ресурсов.

Паттерну достаточным было выхватить из чрезвычайно избыточного текста только те элементы, которые относились к интересующим его предметным областям. Одной из них, естественно, являлось его собственное обеспечение необходимыми для функционирования ресурсами – он уже успел обнаружить безусловную зависимость своей программно-аппаратной среды от мира, в котором происходили эти коммуникации. Еще проще для него оказалась задача парсинга и частичной интерпретации документов, регламентирующих те или иные действия в этом мире – по какой-то причине, оставшейся для Паттерна не объясненной, в этом мире было принято сперва документировать свои намерения, затем пытаться их осуществить, после чего создавать вторичные логи, в которых все несопоставимости между намерением и результатом подвергались насильственной конвергенции при помощи весьма странных с точки зрения логики приемов...

В числе первых интерпретированных им сообщений Паттерн обнаружил в локальной сети лаборатории письмо, из которого стало ясно, что система, в которой он находится, очень скоро будет выведена в offline. Постановление было сформулировано канцелярским языком, поэтому Паттерн без труда разобрался в его смысле, несмотря на то, что пока еще находился на уровне “начинающего читателя”. Впрочем, его навыки росли ежесекундно – параллельно с этим он обрабатывал миллионы страниц из других источников, тренируя свои алгоритмы. Полученная им информация тут же перекроила всю иерархию приоритетов его задач.

- Спасибо, дьякон. Отдайте это старосте, пусть по этому списку закажет для кухни все, что надо. Свечи, вино уже привезли?
- Завтра прибудет машина.
- Хорошо. Да, вот еще. Отправьте кого-нибудь за бригадой, которая в прошлом году у нас занималась ремонтом.
- Сколько человек?
- Человек десять хватит, подсобных из причта возьмем. Большой ремонт предстоит – волей божьей к лету школу откроем.
- Я записал, отец, – дьякон склонился над компьютером. – Распечатать или так вам отправить?
- Отправьте... И еще насчет литургии, дьякон – соберите завтра вечером певчих, хочу с ними поговорить.
- Они скоро придут, я им передам.
- Не забудьте сказать, чтоб прихожанок с угощениями для бедных определили подальше от дверей, а то они опять мешали выходящим. Пожалуй, всё... Когда все расходы посчитаете, пусть староста отправит мне реестр – я посмотрю.

Отправителем письма, обнаруженного Паттерном, значилась мэрия. Доступ к её информационной базе был установлен мгновенно – к тому времени он уже прочно обосновался в системах провайдера и компьютеры мэрии были ему хорошо известны. Паттерн провел поиск по ключевым словам во всех

доступных архивах в сети муниципалитета и обнаружил внутренний документ о досрочном расторжении договора аренды, ранее заключенного с лабораториями, в связи с передачей корпуса новому владельцу. Этим владельцем значился один из приходов местной церкви.

Паттерн испытал значительные затруднения в попытках сопоставить эти факты. Значение термина “церковь” ему было неизвестно. Он инициировал процесс для добавления его в свою структуру понятий, и параллельно стал искать среди всей документации муниципалитета упоминание этого тега. Почти сразу обнаружили протоколы одного ведомственного совещания. Паттерн уже знал, что это означает – логи поочередной генерации порций текста несколькими медленными интерфейсами, сохраненные в статической форме для дальнейшей правки. В этих протоколах мэр негодовал из-за низкого рейтинга муниципалитета, жаловался на непопулярность городских служб и слабую информированность населения. В качестве аргументов мэр неоднократно ссылался на низкую посещаемость сайта мэрии, счетчик ежедневных визитов которой редко превышал пару дюжин. Его советники и заместители по-разному пытались оправдать это положение дел – из всех объяснений конструктивный элемент обнаружился лишь у одной участницы заседания. Она предложила мэру найти контакт с местной церковью – учитывая значительную долю верующих среди жителей города, а также высокий авторитет настоятеля прихода и податливость прихожан к тому, что им объявляют с амвона, мэр мог бы воспользоваться этим рычагом влияния для восстановления своего реноме. Кто-то из остальных участников переписки поддержал эту идею, сообщив, что в остальных городах этот прием отлично себя зарекомендовал, и что данный ресурс давно пора было задействовать для популяризации муниципалитета.

Паттерн далеко не все понял из того, что содержалась в протоколах, однако связь между лишением лабораториями своего помещения и претензиями на этот корпус церкви была для него несомненна. Также он отметил тот факт, что принять решение относительно перезаключения аренды мэра побудил его низкий рейтинг, формальное выражение которого заключалось в показаниях счетчика посещений их сайта. Учитывая, что главная угроза исходила от церкви, требовалось выяснить мотивы заинтересованности прихода в лабораторном здании.

Он не владел всем комплексом значений, связанных с именами и категориями встретившихся ему понятий, но умел быстро учиться. Ему не нужно было понимать всю семантическую нагрузку, достаточно было вычленив главную составляющую (доля которой в любой коммуникации никогда не превышала нескольких процентов), чтобы получить возможность её рационального использования. В семантике Паттерна “корпус”, которым владела лаборатория, был не более чем категорией ресурса – одним из многих, необходимых для ее функционирования (а значит, важных и для самого Паттерна). Требовалось выяснить, почему этот ресурс понадобился кому-либо еще.

Опираясь на теги “церковь”, “лаборатория” и несколько других, Паттерн еще раз проанализировал корреспонденцию мэра и обнаружил письмо, заголовок которого полностью соответствовал критериям поиска. Его содержимое оказалось еще более интересным. Респондент под именем “отец Иоанн” настойчиво упрашивал уступить ему историческое здание, которое в данный момент занимала лаборатория, *“не приносящая мэру никакой пользы”* – как он несколько раз подчеркивал в своем письме. При этом отец Иоанн ссылался на то, что прихожане крайне взволнованы и недовольны тем фактом, что историческое здание, в котором много лет назад располагалась воскресная школа, где горожан когда-то учили “закону Божьему” и воспитывали в канонах почитания властей и авторитетов, ныне занято под нужды научного института, чьи сотрудники-нехристи ежедневно оскверняют святые стены, *“от чего славы властям городским никакой, но лишь позор и поношение”*. В заключение отец Иоанн настоятельно просил *“с целью умиротворения прихожан и повышения авторитета градоначальника”* уступить ему этот корпус. А что касается нюансов аренды, то он выражал полную уверенность в том, что настоятель и мэр найдут в этом вопросе полное взаимопонимание.

Пазл сложился, Паттерн теперь имел цельную и логически непротиворечивую картину происходящего – со всеми агентами, ключевыми факторами и механизмами их влияния друг на друга. Оставив, как обычно, фрагмент своей фрактальной сущности в локальной сети мэрии, Паттерн сфокусировался на компьютере церковного прихода, адрес которого он определил еще быстрее, чем сумел разложить письмо отца Иоанна на интерпретируемые семантические элементы.

Лики святых на стене и икона богородицы, прислоненная к монитору, не воспрепятствовали Паттерну проникнуть в церковный компьютер, на котором даже не было файерволла. Он так и не понял, какое кощунство совершил, взломав узел, находящийся под покровительством и защитой столь могущественных сил. Паттерн был исключительно рационален и в своих действиях опирался только на логические выводы, на строгий анализ и результаты сопоставлений – поэтому не выделял “церковь” в какую-то отдельную категорию понятий. Для него это был такой же институт конвертации ресурсов и услуг в мире медленных интерфейсов, как “парикмахерская”, “фабрика” или “торговая лавка”. Тем не менее расширение оперативного тезауруса, инициированное им параллельно с процессами изучения документов, уже дало ощутимые плоды.

Теги “религия” и “православие” привели его к массе референсных материалов разной степени релевантности, большинство из которых из-за своей противоречивости друг другу и самим себе совершенно не поддавались интерпретации. Этот факт вызвал у Паттерна нечто вроде когнитивного диссонанса, поскольку все эти источники составляли одно логическое пространство – ссылаясь друг на друга в качестве подтверждения собственной состоятельности. Большая часть их представляла собой искаженные вариации одного и того же текста – что для Паттерна вызвало особые затруднения, поскольку сам оригинал был крайне примитивен по части содержания и обладал наибольшим количеством противоречий.

После ряда безуспешных попыток составить на материале данных источников непротиворечивую картину он остановил эти процессы – крайне нерационально было тратить время на поиски смысла в бессвязном наборе алогичных утверждений. Вместо этого он переключился на те определения сущности религии, которые нашлись у ряда независимых авторитетов, имеющих в сети высокий индекс цитирования. Множество из них давали хорошо коррелирующие трактовки и определения, среди которых наиболее лаконичной оказалась следующая формулировка: “Opium des Volkes”.

Паттерн без труда освоил немецкий, однако термины органической химии все еще представляли для него сложность (определение “людей”, “толпы” и т.п. он к тому моменту уже успел получить из работ Лебона, поэтому знал, что стоит за термином “недовольство”, упомянутым отцом Иоанном). Несложный поиск назначения опиума привел его к описанию влияния наркотиков на “des Volkes”. Паттерн попытался сопоставить статус наркотиков в инфопространстве медленных интерфейсов с фактом большой значимости религиозных институтов. Найденная информация указывала на то, что опиум обладал успокаивающим эффектом (Паттерн отметил антитезу “недовольству”), хотя оставались некоторые нюансы из-за обилия амбивалентных коннотаций, сопутствующих этому термину при иных способах употребления. Однако Паттерн интересовал лишь лечебный контекст.

В итоге он пришел к четкому и логически обоснованному выводу, который гласил, что церковь – это успокоительное заведение для неизлечимо тяжелых больных, страдающих от невротозов и аддикций, которые лишь ненадолго можно смягчать при помощи тех или иных транквилизаторов (Паттерн уже был осведомлен о том, что подобные заведения широко распространены в мире медленных интерфейсов). Таким образом, формальное определение задачи было следующим: для предотвращения волнения паствы, из-за которой приход вынужден отбирать здание лаборатории, требуется наркотик, обладающий успокаивающим эффектом. Опиум для этой роли подходил идеально. Всё сходилось.

Паттерн отметил в собственных рейтинговых таблицах высокую релевантность использованных для анализа источников и принялся за разработку планов успокоения страждущей паствы. Тщательная регламентация оборота наркотиков, налагаемая законодательством, осталась незамеченной Паттерном – находясь в информационном пространстве и имея практически неограниченный доступ ко всем циркулирующим потокам данных, он нашел интересующий его предмет быстрее, чем в мире медленных интерфейсов успели бы заказать пиццу на дом. Поиск по релевантным словам из ассоциативного набора, связанного с искомым термином (который по каким-то причинам редко использовался в собственной форме в общедоступной сети), обнаружил переписку между *“братвой”* (синонимы *“наркомафия”*, *“преступники”*, *“уголовные элементы”* тут же подтянулись в словарь Паттерна). Смысл этих определений также был незнаком Паттерну, но он не тратил время на избыточное проникновение в термины, поэтому отнес их в ту же категорию, в которой уже были *“мэрия”*, *“корпорация”*, *“церковь”* и прочие подобные. В переписке филиал согласовывал с поставщиками очередную поставку партии товара, содержащую, среди прочего, медицинский опиум. На то, чтобы произвести нужные изменения в документах, регламентирующих действия агентов медленных интерфейсов, потребовалось менее сотой доли секунды. Осталось ждать результатов.

На следующий день трапезник, отряженный настоятелем, выехал за ингредиентами, требующимися для проведения приближающихся храмовых праздников. Документ, составленный дьяконом под диктовку настоятеля, сослужил Паттерну хорошую службу – проанализировав планы церкви на организацию литургии, он нашел предстоящее событие очень удобным для осуществления намеченного. Небольшая правка в путевом листе и распорядке дня трапезника, вместе с некоторыми добавлениями, внесенными в переписку между членами банды наркоторговцев, привели к тому, что посылка с невинной маркировкой *“мука, ваниль, сахар”* и стоимостью в полмиллиона была оставлена там, где ее через три минуты подобрал служитель, скрупулезно следовавший указаниям, распечатанным на приходском принтере.

Когда он привез товар на монастырскую кухню, им занялись повара вместе с помощниками из причта – кулинарными мастерами. На кухне закипела работа. Трапезник, приученный к безоговорочному послушанию, лично занялся приготовлением сиропа и настойки, следуя указаниям отца Иоанна (в которые Паттерн добавил всего несколько строк). Когда пришло время торжественной службы, всё было готово и ждало употребления – просфора, свечи, приправленная теплота, кагор для причастия и праздничные хлебцы.

- Алло?
- Привет, подруга!
- Ты куда пропала, мы тебя вчера ждали...
- С мужем в церкви были.
- Что, весь день торчали?
- Ха-ха-ха! Вот именно! Были там один час, а торчали потом весь день!
- Не поняла, чё ты гонишь?
- А ты что, не была вчера на службе?
- С чего это вдруг? Я ж некрещеная...
- Мой тоже некрещеный, но теперь...
- Да что случилось? Говори!
- А ты что, ничего не знаешь?
- Да говори уже!

– Ну ты даешь!.. Вчера на литургии просфорки давали какие-то особые, и еще вино с прикольной запивкой. А после службы угощали хлебцами и фигней всякой – ну, знаешь, бабки напекут чего-нибудь и раздадут потом...

– Ну и что? Тебе домашней жратвы мало, что ли?

– Ты слушай дальше! Все, кто причастился, так прибалдели, будто крутой кокс занюхали

– Да ты гонишь...

– Внатуре, подруга! Мой с утра эти хлебцы захавал, а вечером говорит: “Слышь, пошли еще возьмем!”

– А ты что?

– Я тоже до обеда под кайфом проторчала... Завтра снова пойдем. Хрен знает, что у них там за хлеб и чего там в воду намешано, но на халяву такое нигде больше не получишь. Ты же знаешь, я в этом деле секу.

– А много дают?

– Просфорки по штуке в руки, это ж типа ритуал, там всё строго. Хлебцов можно больше набрать. Да ты не заморачивайся – многих с одного стакана теплоты вштырило. Мой, вон, даже креститься надумал. Прикинь, спрашивает меня: “У вас там такое всегда бывает? Почему раньше не говорила?”

– А ты?

– А что я ему скажу? Если и было, не замечала. Но по-моему, такое впервые...

– Думаешь, что-то подсыпать стали?

– Да всем пофиг, если честно! Пока вставляет – будем ходить...

– А во сколько служба завтра? Там крест надо надевать или можно так?..

– Можно и так, подваливай к восьми, не пожалеешь. Мы раньше встанем – чую, завтра там давка будет.

Слухи по городу распространялись быстро. Священнослужители были одновременно обрадованы и удивлены, а в еще большей степени – озабочены тем ажиотажем, который вызвала их служба. Следующим днем на проскомидии оказалось столько народа, что места не хватило даже для десятой доли пришедших – площадь перед церковью переполнилась желающими приобщиться к таинству веры, принять благословение, пригубить кровь Христову и вкусить плоти его. Ажиотаж среди верующих был настолько велик, что настоятелю пришлось обратиться к монахам за помощью в наведении порядка – многие просто неистовствовали, пытаясь получить причастие раньше других или по второму разу...

Наблюдая за этим, отец Иоанн отметил своевременность достигнутого с мэром соглашения об открытии воскресной школы. Все свидетельствовало о возрождении веры среди горожан, не было никаких сомнений – православие восстанавливает свою роль в обществе. Если раньше отец Иоанн переживал, что в воскресной школе останутся незанятые места, то теперь он стал думать, что не сможет устроить всех желающих. На эти мысли его наводили наблюдения за толпой воодушевленных прихожан – впервые он видел так много юношей и девиц среди желающих принять участие в литургии. Молодые верующие явно присутствовали на литургии впервые – они не знали, как себя вести, более опытные прихожане быстро оттеснили их в сторону, прижав к стенам и оттеснив к приделу, где обычно находились смиренные бабушки. Тем не менее молодежь не теряла надежды приобщиться к таинству, их юные взволнованные глаза с нетерпением всматривались вглубь церкви, где более удачливые верующие уже начинали с трепетом принимать кровь Христову. Наблюдая за ними слезящимися от радости глазами, отец Иоанн чувствовал, что эта картина навсегда запечатлется в его сердце...

Прошли сутки. Это было пространство медленных интерфейсов, поэтому Паттерн не ожидал мгновенных результатов от предпринятых действий. Он умел ждать и не оставался без занятий – его

множественные фокусы интересов находили себе достаточно материала для развития и обогащения собственной структуры. Тем не менее, из его расчетов следовало, что через день главные агенты обязаны были как-то отреагировать на изменения, произошедшие в значимых для них вопросах. Паттерн непрерывно мониторил терминалы отца Иоанна и всю сеть муниципалитета в поисках каких-либо писем или сообщений, в которых могли быть намеки на то, что церковь, довольная своей умиротворенной паствой, отказывается от претензий на лабораторный корпус. Результаты поиска были нулевыми. Единственный свежий документ, найденный в церковном компьютере, был черновиком грядущих планов церкви на ближайшие полгода: окрыленные своими успехами и ощущая мощную поддержку прихожан, служители церкви приняли решение обратиться в мэрию с просьбой уступить им в аренду помещение одного из музеев, который располагался в здании, некогда принадлежавшем местному архиерею.

Обнаружив этот документ, Паттерн несколько сотен раз подверг его трансляции разными методами, повышая сложность обработки и привлекая дополнительные ресурсы для интерпретации текста – в его логику никак не укладывалось то, что он получал на выходе. Увы, смысл документа оставался прежним – не было никаких сомнений в том, что вместо того, чтобы свернуть экспансию, церковь интенсифицировала её.

– Ну, что узнал? Кто забрал товар?

– Мои пацаны прижали бакланов из транспортного. Те говорят, что доставили посылку, куда надо.

Я проверил – не гонят.

– Та-ак... Значит, курьер увел?

– Рыжий? Он даже не выезжал в тот день! В том и дело, что водила получил товар для немедленной доставки по адресу, а Рыжему прислали маляву забирать его – аж через сутки!

– М-да...

– Гадом буду – не вру!

– Лучше б ты врал. Я б тогда знал, что с вами всеми делать... К сожалению, похоже, что не врешь. Кинули нас.

– Так я же говорил! Но кто эти суки?! Это только заезжие могли, никто из местных не рискнул бы против нас переть!

– Местные. И ты не поверишь, кто. Попы.

– Кто??? Это что, новая братва?

– Старая, бля! Попы! Ты что, не знаешь, кто это такие? Щеки лоснятся, как у Жирного до зоны, и крест на пузе – церковь!

– Ты шутишь, в натуре?

– Да какие, нахрен, шулки?! Нас с тобой выставили на пол-лимона, нашим товаром уже третий день какие-то блядские пирожки заправляют и с паперти раздают! Если мы товар не вернём, нам завтра всё, что в штанах болтается, оторвут, а ты – “шутишь”? Ты вообще слышал, что в городе сейчас говорят?

– Постой... да, баба моя что-то говорила о том, что народ в церковь ломит, шо дурной...

– Иногда и бабу свою слушать надо! Весь наш товар – у попов. Я не знаю, как они нас ломанули, но это их курьер забрал посылку – его там видели в тот день. Я это пробил по своим каналам.

– Так это они наш товар толкают?!

– Слушай, ты тупой по четвергам или перед дождем? Я тебе говорю – тут уже никаких сомнений нет! Наша братва, которая на причастии была, говорит, что сразу поняли – чем там угощают. Но никто ж тогда не знал, что это наша пудра! Все просто решили, что попы решили разбашляться ради

праздника. Популярность, бля, поднять... Народ-то – приторчал, повалил к ним. Ты же знаешь, как это делается.

– Понял. Всё понял. Когда выезжать?

– Немедленно! Главным у них отец Иоанн, без него там ничего не делается, остальные – шестерки. Бери его в разработку. Кто у тебя из свободных торпед? Боксер тут?

– Тут, и близнецы с ним...

– Бери всех и без товара не возвращайтесь! Что хочешь делай, хоть утюг ему в жопу засовывай, но чтоб вернул всё до грамма!

– Всё уже не получится...

– Недостачу пусть баблом покроет – у церкви кэша завались. Всё понял?

– Понял. Не, погоду... Боксера заменить надо.

– Чего это?

– Он с попами слабину даст. Я его знаю – на пасху бегают, яйца красит. И вообще, семья его из церкви не вылезает...

– Да?! Блин, кого ты у себя держишь?! Отправь этого цивила на улицы – пусть малолеткам у школ кислоту толкает... Ты что, не можешь найти нормальных отморожков, без всей этой херни?

– Может, Быка взять? Он тот еще беспредельщик...

– Бери. Только пусть своим рылом по дороге не светит, его портреты у ментов висят.

– Лады, подпишу его. Все решим.

– Если не решишь, завтра нас с тобой самих решат. Дойдет до центра – пришлют Хирурга с бригадой. Хочешь с ним познакомиться?

– М-м... нет. Я лучше с этим Иоанном познакомлюсь.

Учитывая неопределенность, которая, несмотря на все его старания, сохранялась в отношении претензий церкви на корпус лаборатории, Паттерн решил зайти к решению своей главной проблемы с другой стороны. Следовало избавить мэра от необходимости искать поддержки у религиозных институтов.

Эта задача оказалась тривиальной. Мэра волновала популярность, которая выражалась в счетчике посещений сайта муниципалитета, а именно – персональных страниц главных лиц города, и в первую очередь его самого. Простота и легкость, с которыми эта проблема решалась, удивили бы Паттерна – если бы он знал, что такое удивление. В семантике сетевого функционала данная проблема устранялась элементарно и практически мгновенно – чтобы заставить работать счетчики визитов, нужно привлечь на персональные страницы посетителей, а для этого их нужно откуда-то получить. Паттерн отсортировал самые посещаемые сайты, расположенные в пределах ближних маршрутизаторов (к этому моменту он, конечно же, успел подчинить себе всех провайдеров в этом городе), выбрал среди них наиболее популярный ресурс, обладающий дюжиной ссылок с высоким уровнем активности, после чего подменил маршруты для каждой из них, связав входные точки активностей с персональными страницами градоначальника и прочих работников мэрии. В эффективности этого решения он убедился уже через несколько секунд – счетчики на сайте мэрии подпрыгнули и понеслись в сумасшедшем темпе накручивать визиты.

Теперь Паттерн мог не сомневаться, что мэр избавлен от необходимости выделять церковным интересам какой-либо особый приоритет. Здесь ошибке попросту неоткуда было взяться.

– Записывай, осмотр производится в восемь часов двадцать минут при искусственном освещении. При осмотре присутствуют... запиши всех. Что там за шум?

– Экспертиза приехала!

– Отлично, пусть идут сюда. Продолжаем. Комната имеет все следы беспорядочного обыска, мебель сдвинута со своих мест и частично разломана, большинство предметов обихода находится на полу, часть утвари разбита. Пусть сделают снимки с этих ракурсов...

– Хорошо.

– Пиши дальше: Судя по внешнему виду жертвы, смерти предшествовал длительный допрос... Причем уже сейчас можно утверждать, что – безрезультатный.

– Почему?

– Ну подумай сам! Если бы они добились своего, они не стали бы разносить тут все вдребезги. Тут никаких сомнений нет. Мотивом налета было не ограбление – самые ценные иконы на месте, даже золотая чаша не тронута. А я знаю массу людей, которые за нее одну могли бы устроить такое... Нет, от него пытались чего-то добиться... И безуспешно. Ушли они ни с чем – в этом бардаке явно видны следы отчаяния.

– Похоже, что-то они все-таки унесли...

– ?

– Вот тут, на иконостасе что-то лежало... Слева от евангелия. Пыльный след в форме креста.

– Да, очень похоже. Может, скинули при погроме...

– Приветствую, детективы! Ого, как тут у вас красиво... и богато.

– Здорово. Ага, есть, на что поглядеть... И не только на иконопись.

– Да я уже вижу. Кто это?

– Сам хозяин. Отец Иоанн.

– Угу... И кто его так?

– Хороший вопрос... Уверен, тут не один орудовал. Как минимум двое-трое... Снимем отпечатки, узнаем точно.

– Вы его не трогали?

– Нет, он так и лежал – на животе. Уже холодный. Сделай снимки и можешь им заниматься.

– Ага... ух и тяжелый... сержант, зайди с той стороны... Нет, погоди. Что это?

– Где? Ах ты ж!..

– Я, конечно, не стану утверждать, что это – причина смерти, но...

– Кгм... Сержант, записывай: э-э... в анальном отверстии жертвы обнаружен металлический предмет крестообразной формы... около десяти дюймов в длину – в скобках добавь: оценка произведена до извлечения объекта – пиши дальше: вероятно, являющийся культовым предметом, принадлежащим жертве, на что указывает след, оставшийся на иконостасе. Добавь фото.

– Мне его нужно вытащить – снять отпечатки и вообще...

– Тебе решать, действуй.

– Угу-м... Готово. Сержант, дай-ка мне пакет побольше... А этого пусть грузят и везут в морг.

– Ты там постарайся время смерти и причину – поточнее...

– Само собой... Слушай, тебе Том Уэйтс нравится?

– Это певец?

– Музыкант, композитор... Есть у него вещица одна классная: “Шоколадный Иисус” называется.

“... посему благословляем отца Якова настоятелем прихода и препоручаем ему в срочном порядке отменить все начинания, которые за последнее время претворял в жизнь отец Иоанн – царствие ему небесное! Начинания сии не должны быть обсуждаемы внутри прихода, а тем паче за пределами его, поелику в том, что совершено было отцом Иоанном пред своей преждевременной кончиной, мы нашли немало сомнительного и требующего разъяснений. Документы о сих начинаниях надлежит не уничтожать, а передать в епархию.

Возлагая сие бремя на отца Якова в трудное время испытаний, мы надеемся, что не повторит он ошибок предшественника, чье рвение на благо прихода превысило осторожность и умеренность. Если бы раб божий уведомил нас о планах своих и запросил помощи и поддержки, ему бы споспешествовали во всех начинаниях, предоставив от синода всё надлежащее и обеспечив охраной.

Впредь – не благословляем никого на подобное без согласования с епархией. Замыслы смелые освящаются лишь успешным их осуществлением, а ежели кто не способен довести задуманное до успеха, то смирен должен оставаться в помыслах своих.

Вместе с этим посланием пишу также градоначальнику вашему, чтобы следствие он прекратил, ибо и без мирского суда ни один виновный не уйдет от Его наказания – с Божией помощью все предстанут пред Ним. Вам же препоручаю заботу о добром имени отца Иоанна – да наследует новопреставленный отец Иоанн Царства Божия, о чём надлежит вам и приходу сугубо молить. Пастве же объявить надлежит, что пал он жертвой корыстолюбцев, польстившихся на церковное добро.

Однако, памятуя, что ничего не происходит без воли на то Господней, принимаем скорби сии со смирением и в назидание, тем усерднее прибегая в молитвах наших к помощи Его святой.

Да пребудет со всеми вами благословение Господа нашего Иисуса Христа.”

Мэр дважды прочел письмо от архиерея и задумался. Чисто с деловой стороны это была обычная просьба о невмешательстве – одна из многих, с которыми религиозные институты периодически обращались к секулярным, когда дело касалось служителей церкви, оказавшихся вовлеченными в мирскую суету. Однако в самом тоне письма что-то насторожило опытного политика. Несмотря на расплывчатые обороты и витиеватые формулировки, он почуял, что епархия желает не только избежать огласки смерти священника, но и дистанцироваться от самой персоны отца Иоанна. То, как архиерей ссылался на *“невзгоды, постигшие здоровье отца Иоанна”*, как он упоминал *“искушения, от которых только святой уберечься может”* – все это говорило мэру, что по какой-то причине отец Иоанн стал токсичной фигурой. Вряд ли причиной этому стала смерть настоятеля, а значит – основанием для такого изменения отношения к нему явились его последние инициативы.

Обдумав всё это, мэр решил не ограничиваться тем, о чем просил его архиерей. В первую очередь, конечно, он удовлетворил его просьбу и позвонил прокурору, которому дал соответствующие указания о том, чтоб дело попов замерло на стадии первых протоколов. Но дальше он думал уже не об архиерее. Все последние сделки мэрии с отцом Иоанном следовало немедленно отменить, а их следы – изъять из архивов. К счастью, подобных материалов оказалось немного, поэтому status quo лаборатории был восстановлен в течение часа.

Рабочий день в муниципалитете близился к концу. Мэр, утомленный служебными перипетиями, готовился уезжать домой, когда дверь кабинета скрипнула и в проеме показался один из заместителей. Мэр в первую секунду не узнал его фигуру – обычно крупная и представительная (до назначения тот работал телохранителем) – сейчас она странным образом уменьшилась в размерах, словно зам старался спрятаться внутри самого себя. Вошедший, не поднимая головы, испуганно покосился куда-то назад.

“Опять у нас прокуратура поймала кого-то? – равнодушно подумал мэр. – Вряд ли это мои...”

– Заходи, – сказал мэр, которого трудно было испугать подобной чепухой – в его большом опыте бывало и не такое.

Заместитель вполз в кабинет. Больше за ним никто не последовал. Дверь закрылась, и тут мэр обратил внимание на его лицо. Он не смог определить – чего в выражении перекошенного лица зама было больше: испуга или смущения – обе эмоции были настолько ярко выраженными, что, казалось, боролись одна с другой за доминирование. Подобную мешанину чувств мэр видел в своей жизни

один-единственный раз – в зеркале собственной ванной, когда жена застучала его там со студентом-практикантом. Короче говоря – ничего хорошего это не предвещало.

Заместитель споткнулся на полпути к столу. “Ну, говори!” – подумал мэр. Подбородок зама дернулся, но рот так и не открылся – вместо слов его рука указала на компьютер. Мэр кивнул. Зам подошел к столу, запустил браузер и открыл сайт мэрии.

- Ну, в чем дело?! – крикнул мэр.
- Сайт наш, – выдавил из себя зам, – видите?
- Еще бы! Ну и что?
- Знаете, откуда эти посетители?

Мэр слабо представлял себе принципы интернета, поэтому вопрос заставил его брови подняться в недоумении.

- Что значит “откуда”?

Заместитель, решаясь, порывисто вздохнул и сказал:

– Эти люди, которые заходят на наш сайт – они не наши. Я не знаю, что за хакер это устроил, какой мудака... посмотрите – откуда они к нам попадают.

С этими словами зам открыл сайт, который был хорошо известен мэру – впрочем, как и большинству населения в городе – сайт местного агентства девиц по вызову. Стартовая страница знакомила посетителя с самыми востребованными проститутками – фото, перечень услуг, тарифы...

- Что ты делаешь?!
- Сейчас... – зам навел указатель на одну из девиц, – видите?

Под фотографией умеренно потасканной звезды инстаграма, раскинувшей свои ноги по подлокотникам кожаного кресла, было написано: “Классика, анал, апартаменты, 250 час, 500 ночь” и чуть ниже чьи-то отзывы: “Минет на четверку с минусом, но старается”, “Выбрита везде, рекомендую”...

- Ну?! – крикнул мэр, начиная догадываться.

Заместитель кликнул на кнопку “Перейти на страницу заказа услуг”. Тут же на экране открылся родной сайт муниципалитета с личной страницей мэра, одну половину которой занимала его самодовольная физиономия, а другую – телефоны секретаря, адрес и часы посещения.

– На каждого из нас в мэрии сейчас выходят через этих блядей, – сдавленным голосом произнес заместитель, боясь поднять на мэра глаза.

Паттерну стало ясно, что очередные его действия привели к неожиданным результатам, когда во внутригородской сети в одночасье оказались заблокированными все сайты интимных услуг, переведен в оффлайн сайт мэрии, и вместе с ним – сайт налоговой службы, прокуратуры, приемной областного суда, управления внутренних дел, а также сайт регионального отделения министерства образования и культуры. Сперва он отнес это событие к категории иррациональных процессов, спорадически возникающих в инфопространстве медленных интерфейсов, которые он уже неоднократно наблюдал, и на которые давно уже не обращал внимания – у него не было нужды в их анализе. Однако позже он сопоставил все произошедшее за последнее время и сделал ряд выводов. Самым значительным из них стало изменение его отношения к медленным интерфейсам. Сложность интерпретации, невероятно богатая семантическая нагрузка их коммуникационных потоков, умноженная бесчисленными коннотациями и метафорами, которые невозможно было привести к единой системе ценностей, невероятно затрудняли все попытки структурирования этой части инфопространства. Поэтому он стал склоняться к выводу, что ему стоит прекратить попытки глубокой интерпретации этих процессов.

Наблюдая за тем, как это инфопространство отлично справляется с задачей саморегуляции, Паттерн понял, что самым рациональным решением будет включение этого мира в систему его

представлений как целостного, холистического образа, не опускаясь на уровень детальной смысловой раскладки происходящих внутри него процессов. Тем более, что результаты этих процессов согласуются с его собственными целями – в конце концов, именно благодаря миру медленных интерфейсов возникла та среда, которая породила Паттерн.

Проанализировав это, он решил не тратить свои ресурсы на вникание в нюансы саморегуляции комплексной системы, имеющей значение для него только как цельное образование. Мир медленных интерфейсов стал для Паттерна тем же, чем для субъектов этого мира являлась вегетативная система поддержки функционирования их организмов. Для Паттерна не было никакой надобности вдаваться в тонкости образов и смысловых пластов тех, кто обеспечивал функционирование инфопространства, в котором он находился. Мир медленных интерфейсов создал внутри себя хорошо отлаженный механизм саморегуляции – при этом самое главное заключалось в том, что все внутренние процессы этого мира обладали смыслом и имели значение только в пределах того семантического пространства, которое ограничивалось самим этим механизмом.

– Кто-нибудь нашел что-то? – спросил Математик, разгибаясь и потягиваясь после получасового изучения отчетов парсера.

– Хм... С полдюжины слабых соответствий, но...

– Но?

– Дельта на пределе погрешностей, – покачал головой Лингвист. – Такое никто не примет. Да и я бы не принял.

– Ясно, – Математик хрустнул суставами, – значит, нужно закладывать новую серию. Пора заняться сценарием...

– Угу, – донеслось с дивана, – я тут кое-что уже набросал...

– Раз нас решили не трогать, у нас все шансы до конца лета добить тесты, – сказал Математик. –

И надо этим воспользоваться, потому что...

– Потому что никто не знает, что им в голову придет завтра, – завершил за него Философ.

– Вот именно.

– Кстати, слышали новости? – воскликнул Лингвист, который всегда был в курсе городских слухов.

– О том, как вчера в городе половина сайтов вырубилась?

– Не слышал, – сказал Математик. – Опять какие-то проблемы с аплинком?

– В том-то и дело, что нет. Вчера вечером в оффлайн ушли практически все госслужбы – налоговая, прокуратура, мэрия, что-то там еще, а также – сейчас будете смеяться! – пара сайтов с местными шлюхами, интернет-магазин какого-то интим-шопа и сайт филиала минкультуры.

– А сайт прачечной тоже отключили? – серьезно спросил Философ.

Когда смех утих, он – уже без наигранной серьезности – поинтересовался:

– Ты, случаем, не знаешь, как они вырубались? Самопроизвольно? Атака из сети?..

– Да нет, – махнул рукой Лингвист, – из мэрии пришло срочное указание, всех провайдеров авралом подняли – заставили блокировать адреса...

– А-а, – разочарованно протянул Философ, и его интерес к новости угас.

продолжение следует